

Ксения Котова · Василий Зеленков

Остров сломанных человечков

Для семейного чтения

Ксения Котова

Остров сломанных человечков

«Автор»

2026

Котова К.

Остров сломанных человечков / К. Котова — «Автор»,
2026 — (Для семейного чтения)

Таинственный остров, полосатый маяк, живая кукла и мальчик, не помнящий своего прошлого. Чтобы вернуться домой, Петру придётся преодолеть опасности, разгадать тайну сломанных человечков и понять, почему иногда самая большая сила — это доброта. «Остров сломанных человечков» — захватывающая, тёплая и светлая история для детей и родителей о смелости, дружбе, сострадании и чуде, которое начинается с желания помочь другому.

© Котова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Странная кукла, полосатый маяк и злое лицо	5
Ракушка, а где Петя?	9
Невероятное изменение и домики за рекой	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Зеленков, Ксения Котова

Остров сломанных человечков

Странная кукла, полосатый маяк и злое лицо

Кто-то лизнул Петру пальцы. Язык был холодным и колючим – по коже пробежали мурашки. Пётр, зажмурившись, прижал руку к груди и свернулся клубком. Просыпаться не хотелось. Тогда холодный, колючий язык лизнул снова, облизывая колени. Намокшие штанины облепили ноги. Мальчик фыркнул, распахнул голубые глаза и увидел море. Серая волна откатывалась назад, а её сёстры, наоборот, стремились к берегу. Пётр лежал на линии прибоя. Песок в волосах, песок на одежде, щеку кололи ракушки.

Он резко сел, крабиком отполз от воды и встал. Очередная волна мазнула носки сандалий. Следом торопились новые волны, ещё и ещё – море штурмовало берег.

«Берег?..» – Пётр осмотрелся и увидел усыпанные валунами склоны бухты. Среди илистых булыжников белели мидии, зеленели водоросли, рыжели обломки лодок и корабельных механизмов.

«Прилив целиком затопит бухту!» – испугался мальчик. Он представил, как барахтается здесь, точно в огромной миске.

Пётр развернулся и побежал, выискивая глазами, где бы пролезть между камней, как бы выбраться из ловушки. Он заметил серебрищийся песком лаз, повернул к нему, однако взгляд внезапно зацепился за яркое пятно. Мальчик отвлёкся и едва не упал, но в последний момент схватился за разошедшийся спасательный круг. Выворачиваясь, Пётр присмотрелся к пятну. Оно билось, трепыхалось. Над красным треугольником тела моталась из стороны в сторону круглая голова с пуговичными глазами и рыжими косичками. Ноги пятна придавило обломком мачты, и оно отчаянно колотило руками по камням.

Кукла! Странная, несуразная кукла!

Пётр поспешил к ней, чувствуя, что нельзя оставлять бедняжку в пасти прилива.

Море, рокоча, вновь накинuloсь на бухту и обдало склоны и мальчика брызгами. Его нос, брови, ресницы и губы стали солёными; волосы облепили голову чёрной шапочкой. Пётр взобрался на отделявший от куклы валун и съехал по илистому боку. Джутовая малышка была ростом мальчику по колено. Увидев спасителя, она протянула руки из нанизанных одна к другой пуговиц.

Пётр торопливо забормотал:

– Сейчас, сейчас, – и попытался приподнять мачту. – Я вытащу тебя!

Мачта оказалась слишком тяжёлой.

– Вот ведь!.. Нужно тонкое!.. Длинное!.. Рычаг!..

Пётр покрутил головой в поисках чего-нибудь подходящего. Ветка треснет. Бревно не поднять. Кукла вскинула руку, указывая скрученными из бечёвки пальцами мальчику за спину. Повернувшись, он увидел в кучке песка стальной штырь. Подскочил к нему, поднатужился, выдернул и кинулся обратно. Вогнав «рычаг» под мачту, Пётр, кряхтя, приподнял её, и кукла резво выдернула ножки из-под обломка.

Отбросив штырь, мальчик протянул ладонь:

– Бежим!

Пять жгутиков доверчиво оплели его указательный палец. Одновременно сверху обрушилась волна, и мир заволокло пузырящейся пеной. Морская вода обожгла Петру глаза, ударила в нос, заставив закашляться. Мальчика и куклу едва не разметало в стороны – они вцепились друг в друга. Волна потянула жертв за собой и унесла бы в море, но на пути оказался

огромный камень. Их распластало по плоскому, словно стена, серо-синему боку в мелких трещинах.

Едва вода отошла, кукла перебралась Петру на плечо. Мальчик протёр глаза и вновь побежал от моря. Он перелезал через валуны, хватался за рваные снасти и мусор. Сандалии скользили, ветер гулко хлопал мокрой курткой, как лопнувшим барабаном. Под ногу попался ненадёжный, качавшийся камень. С громким треском он вывернулся из-под подошвы и покатился вниз. Потеряв опору, Пётр чуть не впечатался лбом в жестяную бочку. Выручила кукла. Выбросив вперёд руки, она упёрлась в бочку жгутиками, точно пружинками, и защитила мальчика от удара.

Последний рывок – и Пётр выбрался из бухты. Мальчик рухнул на спину, кукла отпрыгнула в сторону. Он секунду смотрел на серое в фиолетовых тучах небо, затем приподнялся на локте и глянул вниз. Прилив поднимался, принося из глубин новые раковины, водоросли и обломки.

Живот Петра свернулся колючим узлом.

– Ед-д-два не ут-т-тонул, – зубы стучали.

– Не утонул. Теперь не простынь, – раздался требовательный голос. Послышалось громкое бряцание. – Идём туда.

Пётр вначале не понял, кто говорил, но бряцание побудило обернуться к кукле. Мокрое платье туго облепило тельце-цилиндр, а гремели её пуговицы: деревянные, костяные, металлические – разных форм и размеров. Кукла широко расставила джутовые ноги, упёрла руку в бок и другой указывала на что-то вдалеке. Мальчик увидел утопавший в тумане красно-белый полосатый маяк.

«Там наверняка есть смотритель, – обрадовался Пётр, и его живот заурчал. – Отдохнём, поедим...»

– Постой, – вздрогнув, мальчик подался к кукле, – ты говоришь?

– Глупый! – Она сердито топнула. – А что я хожу, тебя не удивляет?

Пётр смутился: «И правда, чего это я?»

– Идём, – повторила кукла и первой пошла вперёд.

Мальчик вскочил, отряхнул с ладоней песок и догнал её.

– Как тебя зовут?

– Пома.

– Я Пётр. Ты отсюда, Пома?

– Я похожа на краба, водоросль или канат? – Пома раздражённо задрала к Петру голову. Шов, изображавший рот, изгибался, когда кукла говорила. – Или ты видел здесь других вроде меня?..

– Я... – Пётр осёкся.

Мальчик хотел сказать «не местный», но осознал, что не помнит, откуда он.

– Пома, я знаю только своё имя, – растерянно ответил Пётр.

– Хм! – Кукла задумчиво наклонила голову набок, и шов рта сжался в тугие стежки. С минуту она шла молча, пиная камешки. – Я тоже не помню, как на берегу очутилась. Пришла и заснула? Попала в кораблекрушение и приплыла?

– Я не видел... – вздохнул мальчик.

– Ха! Значит, вдвойне хорошо, что мы, беспамятные, встретились. Вместе веселее. Кстати, не понесёшь меня? – без стеснения спросила Пома. – Ты выше, и у тебя шаги шире.

– А?.. Да... Наверное, и правда, хорошо, что встретились... – Пётр опустил на колено, по-прежнему растерянный. Кукла ловко забралась ему на плечо.

Встряхнувшись и стараясь не думать о дыре вместо памяти, Пётр продолжил путь к маяку. Мальчик шёл быстро и энергично махал руками, согреваясь. Он мечтал снять прилипшую к телу одежду, закутаться в мягонький плед и выпить большую... нет, гигантскую чашку

чая! Пётр так замёрз, что побежал бы, не опасаясь поскользнуться и полететь на скалы. Зеленовато-серые, с колючими ежевичными кустами, они вырастали всё выше, выше, выше, словно подкидывая маяк к хмурым небесам. Только было вокруг что-то неправильное. Пётр не сразу понял, в чём дело, – не кричали чайки. Мальчика и куклу окружали лишь свист ветра и грохот прибоя.

Ближе к маяку в траве возникла тропинка. Пётр ускорил шаг. Вскоре мальчик рассмотрел гранёный фонарь на вершине, перила обзорной площадки и окна с облезлыми ставнями.

– Маяк заброшен?.. – Пётр расстроено остановился.

Накатило чувство, будто он один во всём мире, мокрый и потерянный: некому рассказать о побеге из бухты; не у кого спросить, как вернуть память. Надежда на чашку горячего чая испарилась.

– Мне всё равно, – ответила Пома. – Лишь бы согреться.

«А ведь я не один! – Пётр покосился на куклу. – Нас как минимум двое!»

Разулыбавшись, Пётр быстро дошёл до маяка. Взявшись за стальную в проплешинах ржи ручку, мальчик толкнул дверь и с облегчением шагнул в прихожую. Он ожидал сырости и затхлости заброшенного места, но в лицо дыхнуло сухим теплом. Вечерний свет из узких окон скупо освещал помещение.

– Уф! – Пома скатилась по руке мальчика на пол. – Наконец-то!

Они стояли перед лестницей наверх, а справа виднелась ещё одна дверь. Пома подскочила к ней и протиснулась в щель.

– Никого нет! – объявила кукла. – Похоже, давно!

Пётр вошёл следом и прищурился. Солнца из окна не хватало – полумрак искажал мебель. Она казалась больше, чем обычно: жёлто-зелёный клетчатый диван, массивный буфет с банками, тяжеленные стулья и стол. Пётр словно вновь стал четырехлетней, исследовавшим огромный родительский дом.

«А смотритель маяка настоящий великан!.. – подумал мальчик. Он обошёл предметы, ощущал их. – У нас всё было меньше!»

Хотя у кого «у нас» и где находилось «всё было» память не признавалась.

– Есть одеяла, простыни, наволочки, рубашки, штаны, носки... – Пома нашла шкаф и мартышкой перелезала с полки на полку. – Зажги на столе лампу, пожалуйста? И переоденься.

В Петра полетела фланелевая рубашка – жёлто-зелёная в клетку, под стать дивану. Пётр неловко смял её в руках, застеснявшись Пома. Кукла покосилась на него глазами-пуговицами, фыркнула и ушла в соседнюю комнату. Мальчик резво скинул мокрую одежду, закутался в сухое и разложил её на буфете сушиться. Рубашка, выбранная куклой, доставала до пят, как ночнушка.

Подойдя к столу, Пётр залез коленями на стул и покрутил в руках медную лампу, на которую указала Пома. Он попытался вспомнить, как зажечь пламя. Что за лампы были дома? Такие или другие? Память вредно показала язык и отвернулась. Однако руки помнили лучше головы. Пётр поднял стеклянный колпачок, взял коробок спичек, повернул вентиль подачи газа и чиркнул одной. Огонёк вспыхнул, отправив оранжевые пятна света танцевать по комнате. Сразу стало уютнее.

– О! Прямо лучше! – бряцая руками, вернулась Пома. Она сняла платье и куталась в наволочку с розовыми ромашками, точно королева в мантию. – Ты в темноте не видишь, ещё треснешься ненароком.

– А ты видишь? – беззлобно поддел Пётр.

– Нет, – не смутилась кукла. – Но я и ушибиться не могу. Как меня бревном придавило? Тыщ-тыщ-тыщ! И что ноги? Целёхоньки! Подними-ка, хочу погреться!

– Разве ты ощущаешь тепло?

– Мне нравится сидеть у огня.

– Обосновано. – Пётр взял куклу и посадил на стол.

– Кстати! – Пома плюхнулась на книгу, вытянула к лампе ноги и принялась взбивать пальцами косички. – Видишь нишу?.. Там плита, раковина и пара жестяных банок. Вдруг для тебя найдётся что-нибудь перекусить?

Живот Петра опять заурчал.

– Спасибо! – Мальчик спрыгнул со стула и поспешил к нише с плитой.

В одной банке оказались сухари, в другой – орехи, в третьей – кубики рафинада, а в четвёртой – самый настоящий, невероятно душистый чай с чабрецом. Пётр обрадовался. Эти продукты долго не портились. Даже если зритель давно ушёл, ими можно перекусить, не отравившись.

– Ты чудо, Пома!

– Настоящее! – гордо откликнулась она. – Береги меня.

Пётр набрал воды в алюминиевый чайник, сразу насыпал внутрь две ложки заварки и поставил его на единственную конфорку на плите. Всё-таки будет, будет гигантская горячая чашка, чтобы греть руки!

Мальчик едва дождался, пока чайник вскипел: отнёс банки с сухарями и орехами на стол, десять раз измерил шагами комнату и заглянул в соседнюю. Там находилась спальня с тумбочкой и аккуратно застеленной кроватью; в изголовье сидела большеклювая махровая чайка нелепого оранжевого цвета.

– Ляжешь там спать! – крикнула Пома. – Хоть отдохнёшь нормально!

– А вдруг зритель вернётся? – засомневался Пётр.

Пома пожала мягкими плечами:

– Хочешь ночевать снаружи? Погода портится.

Забулькавший чайник избавил мальчика от необходимости отвечать – ночевать снаружи Пётр не хотел. Он выбрал в буфете самую большую чашку, бульонницу. Неожиданно ему в голову стукнул вопрос:

– Пома, а тебе налить чай?

– Я не пью и не ем, глупый, – добродушно ответила кукла. – Я же джутовая. А вот тебе нужно хорошо кушать.

Пётр снова залез на стул перед лампой, поднял колени к груди и натянул поверх подол рубашки, завернувшись в неё, как в мягкий от сотни стирок кокон. Он грел руки о чашку, прихлёбывал чай, таскал из жестянок орехи, грыз сухари и хрустел рафинадом. Всё было невероятно вкусным. Впрочем, от голода ему и собственные сандалии, наверное, показались бы лучшим в мире лакомством.

– Как думаешь, где мы?.. – спросил Пётр.

В окне отражались он, кукла и огонёк лампы. За полупрозрачным зеркалом стекла бушевало море. Из-за горизонта напозлали тяжёлые, наполненные до краёв дождём тучи. Мальчик сонно вглядывался в них, вглядывался и внезапно вздрогнул. Ключья туч нависали бровями, одинокая скала посреди моря торчала крючковатым носом, а заходившее солнце подсвечивало облачные глазницы тёмно-багровым. Злое лицо всматривалось в маяк и утёсы и искало взглядом что-то или кого-то.

– Не знаю, – зевнула Пома потянувшись.

На стене комнаты зрителя маяка забили часы: «Бом-бом-бом...»

Ракушка, а где Петя?

«Тик-тик-тик...» – считали время настенные часы.

«Кап-кап-кап...» – разбивались о дно жестяной мойки капли воды.

«Хсс-хсс-хсс...» – спала мама.

– Просыпайся, пожалуйста, – попросила Дара.

Девочке не хватало её голоса, её объятий, её суетливости. День заливал гостиную серым светом, но без маминых хлопот дом был неудобным. Дара пыталась ей подражать: вымыла пол, вычистила ковры, вытерла пыль, приготовила рыбный суп и заварила прибрежные травы. Ничего не вышло. Чистота и порядок, вкусная еда и аромат чая – не равно уют. Уют – когда мама и братик дома, и они вместе с Дарой накрывают на стол или в обнимку читают на веранде книги. Уют – это семья.

– Пожалуйста... – повторила девочка.

Она запустила пальцы в короткие чёрные волосы, сердито почесала голову, вскочила нетерпеливой пружинкой и заметалась по гостиной. Топ-топ-топ – пять с половиной шагов от стены до стены, и повернулась. Топ-топ-топ... Хотелось убежать из дома, онемевшего без маминых песен, парализованного без возни братика над его лодчонками под джутовыми парусами. Но кто позаботится о маме?.. Братик сказал: Дара должна быть рядом, когда мама проснётся, и всё объяснить.

Пытаясь успокоиться, девочка оглядела гостиную. Деревянный пол, белёные стены, книги и кораблики на синих стеллажах. Акварельный рисунок в ракушечной рамке на комод: чернобородый мужчина в очках обнимает худенькую веснушчатую женщину. Портрет написал папа.

Папа...

Книги по моделизму, кораблики, акварель и голубые глаза у Дары с братиком – вот и всё, что девочка называла «папой». Ни она, ни братик его не помнили. Мама не рассказывала, что с ним случилось. Говорила только: он очень любил своих малышей и желал им здоровья и долгой счастливой жизни.

Увидев на рамке пыль, девочка быстро её сдула. Дом будет идеально чистым, когда мама проснётся.

«А если суп остынет?..» – встревожилась Дара. Она побежала на кухню, сняла крышку с эмалированной кастрюли, наполнила для мамы бульонницу и, обернув полотенцем, задумчиво встала к окну.

Дом находился на окраине деревни. Отсюда хорошо просматривались серая песчаная коса, отсечённая от берега чертой воды, и каменистый холм, который перетекал в пляж. Братик ушёл к холму. Дара долго глядела вслед: братик поднимался по тропинке, тая в серебристом утреннем тумане.

«У него всё получится, – Дара обеими руками подняла бульонницу. – Он обязательно вернётся».

Маленькими шажочками девочка пошла обратно в гостиную, привычно толкнула локтем дверь и поставила бульонницу на тумбочку у дивана. Взяв платок, Дара промокнула маме лоб:

– Просыпайся...

– Ракушка?.. – Мама приоткрыла глаза.

Платок выскользнул у Дары из пальцев, улетев на пол. Девочка машинально нагнулась за ним и застыла, будто сомневаясь, взять его или обнять маму. Вдруг чудится?.. Вдруг просто снится?..

Мама приподнялась на локте и сонно потёрла висок. С коротким всхлипом Дара обхватила её за шею и зарылась носом в спутанные волосы. Мама проснулась! Мама выздоровела!

– Мамочка... – Девочка расплакалась.

– Тише, Ракушка, тише... – Мама обняла её и погладила по спине. – Я же говорила, что поправлюсь. Ой, как чисто вокруг!.. Вы ж мои хорошие!.. Вы ж мои помощники!.. Ну-ну, не плачь...

Отстранившись, Дара вытерла слёзы рукавами свитера и взяла в ладони мамино лицо – на бледных щеках появился румянец, карие глаза прояснились. Внутри девочки пузырьками забурлила радость.

– Ммм, вкусно пахнет! Ты сварила суп? – спросила мама. – Можно попробовать? Я жутко голодная...

– Сработало, – счастливо вздохнула девочка.

– Что «сработало»? – не поняла мама.

Дара побелела, не зная, как рассказать то, о чём попросил братик. Однако мама словно догадалась обо всём сама.

– Ракушка, ты одна?.. – её глаза испуганно распахнулись. – А где Петя?..

Невероятное изменение и домики за рекой

Пётр приоткрыл глаза, зевнул и ошутил, как левую руку кололо, словно тысячами иголок. «Ясно, порой случается, отлежал», – он попытался поднять её и ойкнул – не послушалась.

Сев, Пётр сморгнул сон. Крохотную спальню озаряло утро. После ночной бури на оконном стекле запеклась соль, а море снаружи шумело приглушённо и устало. Мальчик вспомнил, как бежал от прилива с Помой. Они вырвались из бухты-ловушки и укрылись на маяке. Смотритель то ли уехал ненадолго, то ли давно бросил башню. Может, ночью он возвращался?.. Если, конечно, его не сожрало то злобное лицо, что вчера полыхало глазами над горизонтом.

– Ну у тебя и фантазия... – Мальчик принялся разминать затёкшую руку. – Никто никого не сожрал.

Чувствительность возвращалась медленно. Предплечье под рукавом чуть ли не поскрипывало. Казалось, Пётр массировал прикрытый мягкой тканью кожаный цилиндр – так сильно задубели мышцы.

– Ничего себе! – Мальчик задрал рукав.

От сна не осталось и следа. Пётр икнул. Изнутри рванулся вопль.

Левая рука сильно изменилась. Кожа, прежде мягкая, бархатистая, с выгоревшим на солнце пушком волосинок, стала неестественно белой, плотной и гладкой, как у новенькой зимней перчатки.

– Чего орёшь? – В дверях спальни возникла Пома. Кукла на ходу затягивала синим шнуром косички на затылке.

Пётр показал ей руку и сипло выдавил:

– Она к-кожаная.

Пома залезла по свисавшему одеялу на кровать и села рядом с мальчиком, изучая его руку. Рот-шов кривился, то и дело раздавалось «хм-хм», «так-так» и «однако-однако». Пётр сжал и разжал кожаный кулак – пальцы подчинились. Затем мальчик согнул руку в локте и поводит ею перед собой. Она слушалась, как обычно: издали и не догадаешься, что неживая.

– Будь тут джут, я сказала бы: «Мы скоро сроднимся», – сообщила Пома и пощёлкала по деревянным ногтям Петра жгутиками.

– Это ненормально, – он поёжился.

– Почему? – удивилась Пома. – Разве куклы – это ненормально?

– Я-то мальчик.

– И я раньше могла быть девочкой, – Пома разгладила красное платье.

Пётр прикрыл глаза и представил малышку с тугими рыжими косичками. Вот, она устраивает чаепитие с игрушками и кормит с ложечки плюшевого мишку. А вот её тельце и ноги покрываются грубым плетением ткани, руки худеют и вытягиваются бечёвками, пальцы скручиваются жгутиками. Голова округляется: игла пришивает глаза, намечает нос и рот – шов растягивается в улыбке.

– Бр, – мальчик вздрогнул и свесил ноги с кровати. Они, к счастью, были в порядке. – Послушай-ка, Пома, давай для начала разберёмся, где мы, а потом уже подумаем, что здесь происходит.

Пётр глянул в окно.

– Мы ведь на маяке? Заберёмся наверх! Оттуда наверняка видно окрестности.

Пома покивала. Пробежав по одеялу, она залезла на изголовье кровати и соскочила на подоконник – косички пружинисто подпрыгнули, пуговицы рук бодро бряцнули. На подоконнике стоял латунный цилиндр, сужающийся кверху. Кукла опрокинула его и подкатила к мальчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.